

КОГНИТИВНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ ЛОГИКИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
cherbourg@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты экзистенциальные и феноменологические структуры когнитивных предпочтений логики в условиях неопределенности. Разграничены классический и неклассический образы определенности. Классический образ определенности обоснован во вневременном и непространственном контексте неизменных и статичных факторов логического двузначного порядка. Неклассический образ определенности обоснован в синкретичном контексте парадигмы открытого разума и немонотонных информационных процессов. Логические факторы неклассического образа определенности интерпретированы с учетом экзистенциальных и феноменологических структур рационального агента. Пространственно-временные свойства данных структур стали отправными точками в раскрытии когнитивных эвристик агента. В когнитивных эвристиках различимы время (метафорические аспекты эвристик) и способы репрезентации времени в пространстве (метонимические аспекты эвристик). Метафорическая диахрония отражает телесный первичный опыт, метонимическая синхрония – опыт установления отличий. Поэтому когнитивная двойственность метафорического холизма и метонимической дискретности выступает полем преодоления неопределенности. Метафорический холизм раскрыт в аспекте толерантности к неопределенности, метонимическая дискретность – в аспекте интервальности.

Ключевые слова: *образ определенности; время; пространство; метафора; метонимия; холизм.*

COGNITIVE PREFERENCES OF LOGIC IN THE CONDITIONS OF UNCERTAINTY

S.V. Vorobjova

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article reveals existential and phenomenological structures of cognitive preferences of logic under conditions of uncertainty. Classical and non-classical images of certainty demarcated. The classical image of certainty substantiated in the timeless and non-spatial context of constant and static factors of the logical two-digit order. The non-classical image of certainty substantiated in the syncretic context of the paradigm of open mind and non-monotonic information processes. Logical factors of non-classical image of certainty interpreted taking into account existential and phenomenological structures of rational agent. The spatiotemporal properties of these structures became the starting points in the disclosure of cognitive heuristics of the agent. In cognitive heuristics, time (metaphorical aspects of heuristics) and ways of representing time in space (metonymic aspects of heuristics) are distinguishable. Metaphorical diachrony reflects the bodily primary experience, metonymic synchrony – the experience of establishing differences. Therefore, the cognitive duality of metaphorical holism and metonymic

discreteness acts as a field of overcoming uncertainty. Metaphorical holism revealed in the aspect of tolerance to uncertainty, metonymic discreteness – in the aspect of interval.

Keywords: *image of certainty; time; space; metaphor; metonymy; holism.*

Образ логики в современном образовании существенно изменился, что стало закономерным ответом на вызовы времени. В когнитивных предпочтениях логики обнаруживаются два взаимосвязанных значения. В ракурсе первого – предпочтений – отражается само время, вызовы которого делают мир все более неопределенным, в ракурсе второго – преимуществ – отражается эпистемология, определяющая благоприятный режим, порядок и способы ответа на вызовы времени. Эпистемология в условиях неопределенности принимает форму каузальной связи личного выбора и результата, влияющих на конструктивные процессы мышления и рассуждений. Отсюда вытекают нетривиальные для логики вопросы когнитивных факторов такого влияния. Ключевой вопрос – раскрытие структуры и свойств когнитивных предпочтений логики в условиях неопределенности – ставится в качестве цели.

Когнитивный образ логики подразумевает двойственность, обратимость и альтернативность ее классического и неклассического образов. Предикторами классического вневременного образа определенности выступают двузначность и дедукция, исключаящие любой релятивизм. Неклассический образ определенности, несмотря на его многоликость, имеет различимый существенный аспект, определяемый как парадигма открытого разума, сопряженного с разнообразием «способов получения знания и стилями мышления» [1, с. 11]. Классический образ логики и ее гносеологический субъект были лишены человеческой телесности и жизненного мира. Их возвращение потребовало модификации нормативного фундамента рациональности. Проблемное поле логики было дополнено задачами, связанными с определением условий разумной деятельности открытого внешнему миру рационального лица, или агента, и с обоснованием факторов, повышающих весомость результатов этой деятельности [2]. Определяющими условиями деятельности агента выступают рационализация и самосознание, ведущие к пониманию жизни как результата свободного и ответственного выбора [3]. Эквивалентом нерационального подхода и доминирования самоощущений оказывается отсутствие необходимых точек опоры во внешнем мире. Факторы деятельности агента сопряжены с ее существенным свойством – отсутствием толерантности к неопределенности. Иначе, ее наличие означает сдвиг в сторону рассудочной деятельности и сильной зависимости от собственной эмоциональной сферы, для которой неопределенность невыносима. Рассудок не может справиться с проблемами, выходящими за пределы своей повседневности [4] и привычек мышления [5]. Ограничителями рационального выбора выступают реактивность мышления и автоматизм мыслей, обусловленные их синкретизмом с чувственным восприятием.

В логических исследованиях неопределенность интерпретируется как antecedent риска и кризисов [6]. Так, стремление идентичности к виртуальному взаимодействию, в котором можно ощутить свою свободу и при этом избежать рационализации действия или ответственности за него, вытекает из толе-

рантности к неопределенности. Допустим, в поле виртуальной аргументации ее агенту с доминантой самоутверждения удобна роль тролля, особенно если контрагент не выступает с контрдоводами. Безответственная навигация в подобном поле сопряжена с чувством самоуверенности в чем-либо, не соотносящееся с чувствами других. В результате возрастает, например, риск самообмана, увеличивающий дистанцию от собственной сущности и существования.

Поиск определяющих условий и факторов деятельности агента обусловлен немонотонным приращением информации, свойственным открытым системам знаний. Немонотонные процессы приводят к потере силы и весомости решений, принятых ранее или в другом месте и при иных обстоятельствах. Это означает, что базовыми предикторами неклассического образа логики выступают пространство, время и язык, обуславливающие когнитивные характеристики агента рациональности [7; 8; 9].

В контексте когнитивных предпочтений логические характеристики становятся временными и пространственными, а формальный анализ языка смещается в пространственно-временной континуум моделирования реальности, в котором личное и историческое время переплетены с пространством языка сознания. Иллюстрирую данный синкретизм аргументами к авторитету М. Аврелия и М. Монтеня: «жизнь есть то, что человек думает о ней», «человек страдает не столько от того, что с ним происходит, сколько от того, как он оценивает то, что с ним происходит». Мышление и рассуждение имеют временные и пространственные координаты, так как могут быть отображены в языке, а то, что имеет такие координаты, может быть рассказано. Следовательно, рассказы свидетельствуют о различных и неразличимых сферах в восприятии мира, способах различимости, образуемых ортогональным пересечением обобщения/детализации и ассоциации/диссоциации. От длительности восприятия и от его качества, т. е. от принадлежности к одному из четырех квадрантов, зависят постоянство и изменчивость, а от них расстановка акцентов и когнитивные способы рубрикации [10]. В частности, когнитивные предпочтения современных концепций аргументации были предопределены разработанными в экзистенциализме и феноменологии когнитивными топологиями, которые дополнили сущность – существованием, деятельность – бытием, закрытость разума – свободой и ответственностью, объяснение – пониманием, причинно-следственные связи – связями телеологическими. В результате стали различимы два ракурса в установлении границ определенности – время и способы репрезентации времени в пространстве. Темпоральность как основа феноменологии сознания составляет когнитивные ресурсы моделирующей способности упорядочивать мир во времени, проявляемой «вовне» [11]. Но время – не только «способность к упорядочиванию», это и «угроза исчезновения и разрушения» [12, с. 173], например, в случае нарушения тематической когерентности прошлого, настоящего и будущего [13].

В качестве способов репрезентации времени в пространстве выступают метафора и метонимия, составляющие подмножество латентных схем перцепции – опыта, устанавливающего длительность как условие времени. По этой

причине логический анализ в условиях неопределенности позволяет различать диахронию и синхронию языка [14]. Метафорическая диахроническая репрезентация времени, отражающая телесный первичный опыт установления отличия объекта от самого себя, влияет на «способность создавать сходство между разными классами объектов» [15, с. 265]. Визуализация и визуальная информация становятся возможными на основании метафорического сходства – того, что «видно» как длящееся во времени различие объекта самого по себе [16].

Метафорический холизм, или диахрония понятийных представлений, преодолевается в контексте синтагматики – метонимических структур, посредством которых осуществляется рассредоточение объектов во времени и пространстве [17]. Синтагматика языка раскрывается посредством его логической формализации. С позиции логики различимы, например, содержание / форма, род / вид, часть / целое, причина / следствие. В когнитивном аспекте метонимическая синхроническая репрезентация пространства раскрывает опыт установления отличий объекта от другого объекта, предопределяющий способы трансляции значений посредством необходимых или узнаваемых аспектов – структуры, функции, роли, части целого и др. [15]. Формализация метонимических способов восприятия и репрезентации делает различимыми метафорические аспекты эпистемологии и в конечном результате когнитивные аспекты критического мышления в аргументации в целом [10].

Метафора свидетельствует о толерантности к неопределенности, поэтому нерелективные метонимические рекомбинации образных представлений малопродуктивны. Метонимия, с одной стороны, лежит в основе связующего мышления, которое объединяет идеи в одно целое в соответствии с доминирующими темами или образами, не учитывая организующие или интегрирующие элементы [18]. С другой стороны, метонимические связи понятийных представлений лежат в основе генерирования идей, формирования концептов и категорий [19], позволяющих «увидеть проблему или ситуацию по-новому». Это означает, что метонимия как когнитивная эвристика выступает условием соизмеримости интервалов абстракций в диалоге культур [20].

Интервалы абстракций, или пределы отвлечений, эквивалентны логическим формам мыслимых образов. В них границы определенности устанавливаются посредством замены метафорической целостности на метонимическую связь отличительных в каком-либо аспекте или контексте признаков. Подобное когнитивное моделирование как наложение на мир структуры языка всегда будет отличаться от подлинной структуры этого мира [21], так как ментальная активность исключает абсолютную иррациональность агента и не допускает его абсолютную рациональность [22]. Поэтому в когнитивных предпочтениях логики следует различать реалистическую и номиналистическую определенность как прототипы, соответственно, логического абсолютизма и логического релятивизма, фиксирующих инвариантную устойчивость (тождество) объектов, и их эмпирическую и культурную вариативность.

Таким образом, когнитивные предпочтения логики в условиях неопределенности обусловлены экзистенциальными и феноменологическими струк-

турами, которые возвращают агенту его бытие и сознание. Если классический образ определенности является вневременным и непространственным, то ее неклассический образ детерминирован пространственно-временными свойствами указанных структур. Данные свойства являются ключевыми в раскрытии когнитивных эвристик агента. В них различимы метафорические и метонимические аспекты – время, отражающее телесный первичный опыт, и способы репрезентации времени в пространстве, отражающие опыт установления отличий. Поэтому полем преодоления неопределенности служит когнитивная двойственность метафорического холизма и метонимической дискретности.

Библиографические ссылки

1. Шольц Р.В. Дорожная карта трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы : сб. науч. труд. М. : Навигатор, 2015. С.11-30.
2. Воробьева С.В. Критическое мышление как моделирование личностной эпистемологии // Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в условиях социально-экономической модернизации: мат. второй межд. науч. конф., Минск, 12-13 ноября 2015 / Ин-т философии НАН Беларуси. Минск, 2016. С. 117-120.
3. Lévinas E. Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité. Kluwer Academic, 1991. 343 p.
4. Воробьева С.В. Культура повседневного мышления и массмедиа // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. Мат. межд. науч.-практ. конференции. М. : АПК и ППРО, 2017. С. 21-25.
5. Ружицкiй В.Р. Мышление: пятнадцать уроков для начинающих авторов. М. : Флинта, 2006. 440 с.
6. Дрессер К. Обольстить логикой. Выводы на все случаи жизни. М. : Лаборатория знаний, 2017. 176 с.
7. Воробьева С.В. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов // Философия и социальные науки. 2015. № 1. С. 67-71.
8. Лисанюк Е. Н. Когнитивные характеристики агентов аргументации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.6. 2013. №1. С. 13-21.
9. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.07 / Е. Н. Лисанюк. СПб., 2015. 297 с.
10. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2018. 231 с.
11. Lévinas E. Le Temps et l'Autre. Montpellier : Fata Morgana, 1979. 91 p.
12. Рикер, П. Кант и Гуссерль // Интенциональность и текстуальность: философская мысль Франции XX века. Томск : Водолей, 1998. С. 162-194.
13. Зайцева Ю.Е. Время смысла: нарративный модус временной перспективы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 16-33.
14. Lévinas E. Diachronie et représentation: á la recherché du sens. Revue de l'Université d'Ottava, 1985. Vol.55. P. 85-98.
15. Воробьева С.В. Логико-когнитивные факторы системной модели научного творчества // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества: сб. науч. тр. VI Междунар. теор.-практ. конф. Улья-

новск : УлГТУ, 2018. С. 263-271.

16. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

17. Perelman Ch. De la temporalité comme caractèr de l'argumentation // Rhétoriques. Bruxelles, 1989. P. 437-466.

18. Солсо Р. Когнитивная психология. Спб. : Питер, 2002. 592 с.

19. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. М. : ЛКИ, 2011. 408 с.

20. Воробьева С.В. Диалог культур как способ конструктивного мышления в условиях неопределенности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. мат. XIII Межд. науч.-практ. конференции. М.: Перо, 2019. № 13. Ч. 3. Актуальные пробл. философ. С. 32-36.

21. Воробьева С.В. Логика и коммуникация: пособие. Минск : БГУ, 2010. 327 с.

22. Вандервекен Д. Истина, пропозициональные установки и тождество пропозиций // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы X Общеросс. науч. конф. С.-Петербург, 26-28 июня 2008 г. СПб : СПбГУ, 2008. С. 31-40.

УДК 1+008

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Н. Гусейнова

Азербайджанский университет языков

ул. Р.Бейбутова, 134, Баку, Республика Азербайджан

huseynova_nigar@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматриваются идеи толерантности в межкультурных отношениях с аксиологической точки зрения. Философская сущность идей культурной толерантности, ее место в диалоге культур и культурная толерантность как ценность в условиях глобальных трансформаций рассматриваются как фундаментальные аксиологические факторы современной эпохи. Влияние универсальных ценностей в ходе процессов получения выгоды, присвоения, обогащения во время взаимодействия культур, их открытость к диалогу стали предметом исследований. Толерантность, как уникальная и универсальная ценность, признает разнообразие культур и их смежное существование, отрицает взаимную ненависть, враждебность, интолерантность, устраняет ксенофобию, прививает народам, культурам чувство уважения. Идеи культурной толерантности отражает в себе демократические взгляды, стереотипы, систему ценностей, основанную на принятии принципов толерантности в межкультурных отношениях, а также психологическую готовность взаимодействовать с другими культурами на основе уважения, понимания, согласия и принятия других культурных ценностей и традиций.

Ключевые слова: *межкультурные отношения; толерантность; аксиология; ценность; диалог культур; уникальные ценности; универсальные ценности; глобальная трансформация; культурное разнообразие.*